

И. Муллонен
(Петрозаводск)

ВЕПСКИЕ ТОПОНИМИЧЕСКИЕ АРБАЛЫ НА ДИАЛЕКТНОМ ФОНЕ

Как правило, для решения собственно диалектологических проблем ономастический материал не принимается в расчет. Диалектологи при этом ссылаются на недостаточную изученность общих вопросов взаимоотношения говора и топонимии в науке. Ономасты добавляют, что ономастика — это своя особая система, со своими закономерностями, общезыковые тенденции преломляются в ней через призму ономических универсалий, так что проблема соотношения топонимических и диалектологических реалий и в принципе решается непросто.

Ниже мы попытались на вепском материале проследить некоторые аспекты соотношения топонимики и диалектологии. Вепский материал — хорошая основа для подобного рода исследований, ибо он представлен на достаточно компактной территории и обозримым топонимическим континуумом и отличается четкими границами в русском языковом окружении. Современные вепсы — небольшая прибалтийско-финская народность, проживающая в межозерье трех крупных озер Европейского Севера СССР — Ладожского, Онежского и Белого. Традиционно принято выделять в составе вепского языка три диалекта, в названиях которых отражается их географическое распространение: северный (прионежский), средний и южный. Несмотря на существование переходных зон, границы диалектов, каждый из которых привязан к определенному водному бассейну, очерчиваются достаточно четко. В целом расхождения между диалектами чрезвычайно незначительны, они касаются в основном фонетики и лексики. Хронологически границы сложения трех вепских диалектных групп расплывчаты. Судя по определенным языковым (топонимическим) и археологическим фактам, проникновение предков вепсов на территорию Межозерья должно быть отнесено к рубежу I—II тыс. н.э., скорее, даже к началу II тыс. (X—XI вв.), однако окраин современ-

ного расселения вепсы достигли значительно позже – три-четыре столетия спустя /Лименов 1965, 185/. Видимо, определенные диалектные различия начали складываться уже в ходе освоения территории Межозерья, хотя, с другой стороны, то, что различия все-таки незначительны, свидетельствует в пользу относительно позднего появления основных релевантных диалектных особенностей. Таков в основных чертах современный взгляд на диалектное членение вепского языка.

Для ответа на вопрос, как укладываются ономастические факты в диалектные границы, единичные разрозненные топонимы – ненадежный материал. Не совсем удовлетворительным представляется и понятие "топонимической системы", ибо диалектная топонимическая система – это в определенной мере производное от понятия территориального диалекта. Она представляет собой совокупность географических названий, употребляемых носителями местных говоров и обозначающих реалии в пределах территории распространения того или иного диалекта, т.е. при выделении диалектной топонимической системы уже заранее делается упор на территорию распространения диалекта. Наиболее приемлемым в данном контексте представляется понятие ареала – топонимного и диалектного (нетопонимного), ибо эти единицы, характеризующие территорию распространения отдельного явления, во-первых, достаточно конкретны, во-вторых, соотносимы. Точку их соприкосновения можно видеть на карте. Кроме того, в отличие от системы, представляющей собой современный срез (результат), ареал имеет нацеленность на диахронию. Он способен прояснить, как происходило во времени формирование искомого явления.

К сопоставлению топонимных и нетопонимных ареалов можно подходить с двух сторон: во-первых, отражение наиболее типичных диалектных различий в топонимии, во-вторых, наложение маркирующих топонимных ареалов на диалектную карту. Обратимся к первому варианту. Выше упоминалось, что основные различия вепских диалектов сконцентрированы в фонетике и лексике. Что касается фонетического облика топо-

нимов, то в нем отражаются фонетические закономерности, проявляющиеся на апеллативном уровне в каждом из трех вепских диалектов, т.е. налицо наложение, тождество топонимного и диалектного нетопонимного фонетических ареалов. Будучи фактом языка, топонимия вовлекается в процесс фонетических изменений и проходит те же его стадии, что и апеллативная лексика. Подтверждением этого тезиса служит сохранение некоторых вепских фонетических особенностей в более раннем, предшествующем современному, состоянии в топонимии бывших вепских районов. Они законсервировались и в некоторых русских соответствиях вепских топонимов, рано закрепившихся в письменных источниках. С одной стороны, тождество топонимного ареала с нетопонимным, вызванное тем, что топонимический материал отражает особенность, непосредственно заданную диалектными различиями, не информативно, топонимические факты лишь подтверждают выявленные на апеллативном уровне признаки. Однако последующие этапы ареального исследования, с выходом на смежные русские территории, способны вывести на качественно новую информацию. К примеру, можно предполагать, что характерное для средневепского диалекта развитие д в у неслоговое с последующими изменениями (ср. *peid 'поле' rōid → rūid → piid) — достаточно поздний процесс, ибо звук сохранился в изначальном виде в топонимии на территории позднего обрусения, где еще в середине XIX в. первые исследователи вепского языка застали вепское население: уроч. Пелдуши, р. Пелваса, Палдручей, при вепс. rōid (< *peid) 'поле', rūivas (< *peivas) 'лен', rōude (< *palde) 'склон, холм'.

Значительно меньше последовательности в наложении топонимного и диалектного нетопонимного ареалов на лексическом уровне, где совпадения распространяются прежде всего на детерминанты. Прибалтийско-финская топонимия — это по преимуществу сложные конструкции, состоящие из детерминанта, указывающего на разряд называемого объекта, и определяющего его атрибута. В этих условиях детерминант выполняет роль термина, поэтому понятна его зависимость от собствен-

но диалектной лексики. Он призван обозначить вид (разновидность) географического объекта в терминах, существующих в данном диалекте, т.е. задан диалектом. Показательны в этом смысле случаи утраты лексем диалектами (говорами), которые приводят к необходимости наращивания к топониму нового определяемого элемента (детерминанта), соответствующего диалектному географическому термину. В результате выпадения из многих вепских говоров лексемы *laht* 'залив' и переноса ее функций на слово *kar* 'небольшой залив, бухта', последнее вошло во многочисленные топонимы в зоне утраты *laht*: *Solaht* → *Solaht-kar*, *Pertlaht* → *Pertlahtkar*, *Bonganlaht* → *Bonganlahtkar*.

Иначе складывается ситуация на уровне атрибутивного элемента, тут тождество ареала диалектной лексемы и аналогичной топонимии — скорее, исключение, чем правило. Пример такого исключения — северновепское слово *kaíi* 'скала', воплощенное во множестве топонимов, ареал распространения которых, однако, не выходит за пределы северновепского Прионежья, в зону более южных вепских говоров. В основе этого тождества — факт естественно-географического порядка: сама зона распространения скал ограничена территорией северного диалекта. Как правило, ареал топонимии и диалектной лексемы не совпадает. Далеко за пределы ареала северновепского диалектного слова *kukk(az)* 'холм, горка' выходит топонимный ареал: топонимы с основой *kuk(k)* — представлены по всей территории вепского заселения, доказывая, что апеллятив имел в прошлом общевепское распространение, а теперь сохранился лишь на северной окраине вепской территории. Топонимный ареал, таким образом, реконструирует былой ареал современного вепского диалектного слова; он, собственно говоря, отражает реалии прошлого времени, когда было налицо совпадение апеллятивного и топонимного ареалов. Причем, речь должна идти об относительно недавнем прошлом, ибо топонимия бытует на подвижном, нестабильном во времени микротопонимическом уровне. Помимо этого наиболее характерного типа несовпадения топонимного и нетопонимного

ареалов, распространены и случаи, когда всплеск активности определенной топонимии по каким-то причинам наблюдается на ограниченной территории распространения диалекта, и, таким образом, топонимный ареал уже апаллятивного. Любопытны случаи неполного совпадения, вызванные смещением топонимного ареала по отношению к апаллятивному. Истоки его всякий раз могут быть разными. Показательный пример — южно-вепсское слово *kāmišt* 'кладбище'. Соответствующий топонимический ареал (*Kaumišt ~ Kāmišt*) смещен на северо-запад от диалектного, лишь частично касаясь южно-вепсской территории, а в основном располагаясь в примыкающих к ней с севера средне-вепсских районах. Топонимы привязаны к древним могильникам, до сих пор почитаемым местными жителями как места захоронения предков. Надо полагать, что лексема бытовала прежде на более обширной территории, включавшей и ареал топонима *Kaumišt*, однако закрепление ее за определенным конкретным видом захоронений придало ей со временем статус топонима. Ее же функцию — обозначение понятия "кладбище" должно было взять на себя другое слово. Что же касается непосредственно самой южно-вепсской диалектной зоны, то по мере продвижения на юг топонимический ареал *Kaumišt ~ Kāmišt* быстро сходит на нет. В результате ситуация, сложившаяся севернее, оказывается неактуальной для южно-вепсской территории, следствием чего явилось сохранение здесь старого слова *kāmišt*.

Перечисленные выше и другие ситуации свидетельствуют об определенной независимости топонимного ареала от диалектного. В момент возникновения топоним опирается на языковую базу, однако затем, становясь фактом ономастики, способен приобретать самостоятельность и независимость от соответствующего языкового (диалектного) развития.

Можно представить и обратную ситуацию, когда за исходное берется топонимный ареал и выявляются его взаимоотношения с диалектными фактами. При этом даже достаточно поверхностный взгляд убеждает, что многочисленные топонимные ареалы пронизывают всю современную территорию распро-

странения вепсского языка и выходят за ее пределы, на историческую вепсскую территорию Межозерья, значительная часть которой ныне обрусела. Это относится к целому ряду типовых топооснов, к некоторым словообразовательным моделям и топоформантам. Ареал топонимов с основой *hab-* (вепс. *hab* 'осина') не только соответствует лексическому ареалу слова, представленному повсеместно в вепсских говорах, но и в соответствующем оформлении является типичным для смежной русской территории (Габозеро, Габрека, Габкара, Габсальга, Габорга и т.д.). Точно так же двухкомпонентная структурная модель (атрибут + детерминант) типична для топонимии всего региона Межозерья — исторической территории вепсского расселения. В связи с подобными фактами, видимо, уместно говорить о региональных топонимах, образованных на основе характерных для искомой зоны топонимных элементов и по типовым для топонимии данного региона словообразовательным моделям. Эти топонимы, можно сказать, несут на себе отпечаток региона Межозерья. Последний же может быть выделен как раз на основе определенного системного единства топонимии, обусловленного историко-этническим единством территории — ее вепским прошлым. В этом смысле регион вепской топонимии значительно шире территории современного вепсского заселения.

Очевидно, что подобного рода региональные топонимы не являются маркирующими для целей нашего исследования, которое должно ориентироваться на дифференцирующие релевантные ареалы. Наиболее приметными среди них в силу продуктивности являются ареалы определенных топоформантов. И здесь обнаруживается достаточно четкая закономерность: ареалы топоформантов практически не пересекаются на одной территории с ареалами соответствующих словообразовательных суффиксов, функционирующих на апеллятивном уровне. Ойконимический формант *-ist* имеет два ареала распространения: территория среднего диалекта и восточная часть среднего диалекта (вепское Белозерье), однако на апеллятивном уровне на означенных территориях словообразовательный суф. *-ist* (со значением коллективности) малопродуктивен, явно уступая

в регулярности семантически однородному суф. -*žom*. Видимо, здесь проявление той же закономерности, которая была отмечена и на русском топонимическом материале: при достаточной продуктивности, регулярности моделей собственных и нарицательных имен с омонимичными формантами ареал их распространения обычно не совпадает /Азарх 1981, 26/. Происходит своего рода размежевание – территориальное и временное. Примером такого размежевания, причем происшедшего в достаточно отдаленное от нас время, может быть и велсская ойконимическая модель с – 1-овым формантом (типа *Kakoil*, *Karhil*, *Naragl*). Сейчас формант мертв и на апеллятивном, и на топонимическом уровне, однако плотный его ареал на западе велсской территории, в зоне нынешнего среднего диалекта, указывает на его былую топонимическую продуктивность /Муллерен 1989/. Истоки суффикса в финно-угорском языке – основе, он был распространен и в языках прибалтийско-финской языковой семьи, однако, судя по финским и эстонским языковым данным, довольно рано утратил свою активность и вышел из употребления в первой половине нашего тысячелетия. Примечательно, что поиски следов его в велском языке на апеллятивном уровне не увенчались успехом, т.е. не существует апеллятивного ареала, соответствующего топонимному. Более того, его возможно, и не существовало, а на велскую территорию суффикс проник только в качестве ойконимического форманта. Для такого предположения есть свои основания: во-первых, формант бытует на территории наиболее раннего велского проникновения в Межозерье (низовья рек юго-восточного Приладожья), во-вторых, ареал велсской – 1-овой ойконимии является частью более обширного ареала, который тяготеет к Финскому заливу Балтийского моря /Nissila 1962, 92/. Оказывается, – 1-овая ойконимия, представленная в разных прибалтийско-финских языках – финском, эстонском, карельском, велском – не образует в каждом из них независимый ареал, а все они вместе составляют один обширный ареал с едиными истоками и, видимо, единой хронологией; велсская – 1-овая ойконимия – восточная периферия этого

обширного ареала.

Обобщая результаты наших наблюдений над соотношением топонимных и диалектных нетопонимных ареалов следует обратить внимание на то, что совпадение, наложение их происходит тогда, когда в топонимии отражаются черты, непосредственно заданные диалектными различиями, связанные с ними. Наиболее последовательно топонимия отражает фонетические особенности вепсских говоров. Воздействие диалектной лексики с наибольшей силой ощущается на систематизирующих детерминантах, вынужденных в силу их функционального предназначения соотноситься с синхронными им диалектными апеллятивами. Однако диалектный фон присутствует и в том случае, когда налицо несовпадение, размежевание топонимного и нетопонимного ареалов. Видимо, можно говорить о том, что выбор топоформанта задан, продиктован диалектными особенностями, но это своеобразная зависимость обратного порядка, отсчет от противоположного. Исследование на диалектном фоне в подобных случаях может стать источником качественно новой информации.

В целом вепсская топонимия достаточно едина. Надо полагать, что значительная часть диалектных различий, особенно на уровне лексики, оформилась позже, чем сложилась в основных чертах вепсская топонимия. Часть топонимических ареалов выходит за пределы собственно вепсской истории, разворачивавшейся на территории Межозерья; истоки их восходят к праязыковому состоянию. Однако при всем этом — а может быть, именно поэтому — топонимные ареалы несут существенную информацию о диалектном членении, позволяя при соответствующей интерпретации реконструировать истоки диалектного членения.

Литература

Азарх О.С. О грамматических и лингвогеографических различиях имен нарицательных и собственных с омонимичными суффиксами // Ономастика и грамматика. М., 1981.

- Муллонен И.И. Вепские ойконимические форманты // Вопросы финно-угорской ономастики. Ижевск, 1989.
- Пименов В.В. Вепсы: Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.;Л., 1965.
- Viljo Nissila. Suomalaista nimistöntutkimusta. Helsinki, 1962.

Н.К.Фролов
(Тюмень)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ТОПОНИМИИ

Основой исследования в топонимике, как известно, является имя собственное в его многообразных связях с другими именами в системе языка. Научная интерпретация слова, будь то топоним или апеллятив, базируется на единстве его лексических, семантических и грамматических значений. Слова и их значения в том или ином языке образуют внутренне связанную, единую и общую для всех членов общества систему. "Слово относится к действительности, отражает ее и выражает свои значения не само по себе, а лишь через всю систему значений, образующих семантический строй языка" /Виноградов 1977, 70/. Значение каждого слова, в том числе и онима, раскрывается благодаря мысли о денотате, его существенных общих и конкретных признаках. Лексическое значение онима определяется соотносительностью слова с соответствующим понятием, местом конкретного слова в лексической системе языка. Оно отражает историческую связь между звучанием слова и тем отображением предмета, которое запечатлелось в нашем сознании.

Ведущим среди значений топонима является его прямое номинативное значение, направленное на обозначение реалии и отражающее в номинации общественное понимание индивидуальной сущности денотата. Однако общественное назначение

топонима не ограничивается номинацией, поскольку включает в себе указание на смежные ряды слов, т.е. другие звенья номинативной системы, выражает отношение к соотносительным или несоотносительным, связанным или несвязанным значениям в других топонимах.

А.А.Потебня в свое время обратил внимание на изучение рядов слов, которые объединяются на основе ассоциативно-психологических представлений в отдельные микросистемы, и предложил интерпретацию отдельных словарных групп, опираясь на факты из истории языка /Потебня 1958, 14-16/. При синхронной и диахронной систематизации топонимической лексики принимается идея выделения классов наименований, объединяемых по их отношению к реалии, принципам деривации или специфике формирования. В топонимике закрепился в этой связи термин "тематическая", или предметно-отраслевая, группировка онимов. Тематические группы топонимов - это принадлежащие к однородной понятийной сфере наименования, близкие по мотивировке происхождения и функционированию.

Собственно лингвистическая компоновка топонимов основывается на совпадении семантических признаков и лексических значений, т.е. на наличии или отсутствии смысловых связей, а также на частичной или полной идентификации грамматических форм. Однако разграничение тематического и семасиологического планов классифицирования топонимов на практике приводит к искусственному игнорированию отношений, которые складываются при номинации географических реалий, когда предметно-понятийная (экстралингвистическая) классификация оказывается связанной с лексико-семантической, т.е. лингвистической. Поэтому лингвистическая интерпретация топонима в отрыве от его денотата будет неполноценной без тематической, ибо последняя как бы нацеливает на установление взаимоотношений между номинативными средствами реальных географических объектов.

Как подчеркивал Ф.П.Филин, положение о словарном составе языка как о системе разных лексико-семантических групп (рядов, разрядов) в настоящее время является широко